
ЗАПИСНЫЕ КНИГИ
АСТРАХАНСКОЙ КРЕПОСТНОЙ КОНТОРЫ
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ АРМЯНСКОЙ КОЛОНИИ
В АСТРАХАНИ В XVIII ВЕКЕ

А. И. ЮХТ (Москва)

В Центральном государственном архиве древних актов в Москве (ЦГАДА) имеется коллекция книг Астраханской крепостной конторы, насчитывающая 207 единиц. Самая ранняя книга датирована 1724 г., самая поздняя — 1767 г. Наибольшее количество книг относится к 1740—1760 гг. (189), остальные (18) — к 20—30-м годам.

В записных книгах крепостных актов регистрировались разного рода сделки, заключавшиеся в Астрахани. При регистрации актов взимались пошлины, поступавшие в казну.

Крепостные акты XVIII в., в отличие от подобных же документов предшествующего времени, не подверглись систематическому изучению. В последние годы возрос интерес к этому массовому источнику и сделаны первые попытки его выборочной публикации и использования¹.

Фонд Астраханской крепостной конторы не изучен. Между тем он содержит обширный и ценный фактический материал по истории посадского населения и иноземных слобод, ремесла и промыслов, внутренней и внешней торговли, рынка рабочей силы и т. д.

В настоящей статье ставится задача показать, что дают записные книги для изучения социально-экономической истории астраханской армянской колонии и участия армянского купечества в торговле России и ирано-европейской транзитной торговле через Россию.

* * *

Записные книги крепостных актов представляют собой журналы, в которых имеются следующие графы: порядковый номер, дата составления, текст акта и размер пошлины. Название месяца обычно указывается

¹ Записные книги Уфимской крепостной конторы были частично опубликованы в „Материалах по истории Башкирской АССР“, т. III, М.—Л., 1949. См. также Е. И. Заозерская, Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII века, М., 1953, стр. 456—457, 464—470; Г. Д. Капустина, Записные книги Московской крепостной конторы как источник, „Проблемы источниковедения“, т. VII, М., 1959.

в верхней части листа. По окончании месяца следует итог собранных пошлин. Каждая записная книга имеет заголовок.

До конца 30-х годов XVIII в. все акты записывались в одну книгу¹. Впоследствии каждый вид акта записывался в особую книгу². Имеется два вида записных книг: в одних передается краткое содержание документа, в других дается полная копия с подлинным рукоприкладством. От 20—30-х годов XVIII в. сохранились главным образом книги с краткой записью содержания акта; за последующие десятилетия имеются оба вида книг. За некоторые годы книги сохранились не полностью, либо вовсе не дошли до нас.

В записных книгах Астраханской крепостной конторы зафиксированы следующие акты: заемные и закладные, купчие, жилые, договорные, подрядные, поручные, наемные и др. Количество записей по отдельным видам актов неодинаково за различные годы; в общей массе преобладают заемные, купчие и жилые записи. Столь же различно и число актов в том или ином году, относящихся к армянам.

Заемные и закладные записи. Эти записи, часто называемые письмами, можно подразделить на три вида: в одних говорится, на каких условиях предоставляется кредит, в других указывается, для какой цели берутся деньги заемщиком, в третьих только называется сумма и указан срок выплаты. Последние, как правило, составляют подавляющее большинство заемных писем.

Наибольший интерес представляют первые два вида записей. Самыми характерными для первого вида записей являются заемные, в которых кредитор, предоставляя заемщику определенную сумму денег, обычно исползуемых в сфере рыночного обращения, оговаривал свое право на получение большей части прибыли. Так, 16 января 1735 г. астраханский армянин Раслан Миранов взял у индийца Небагу Чажуева 3 тысячи рублей, на которые он должен был закупить различные товары и поехать в Гилян. «И исторговався, приехать в Астрахань, и в том торгу с ним, индейцем, счесться и что по щету в том торгу явитца за вышеписанными деньгами прибыли, и нам тое прибыль разделить на 3 пая»³, при этом две доли получал кредитор, одну — Миранов.

В подобного рода записях обычно отмечалось, что при убыточной торговле, равно как и при кораблекрушении, ограблении и другом несчастном случае, заемщик не несет ответственности перед кредитором. «А ежели учинитца правдивой наклад и от воли божеской гибель на сухом или водяном пути,— говорится в цитированной выше заемной,— и ему,

¹ Например, «Книга приходная е. и. в. денежной казны збору крепостным пошлинным деньгам сего генваря с 1 числа 1724 году до предбудущего 1725 году и записная всяким крепостям...».

² Например, «Книга записная жилых в годы на торговых сидельцов и при всяких промыслах и в плавных путях на прикащиков и работников и домовных и в мастерствах на учеников 1740 году генваря с 1 числа» (ф. 617, кн. 23).

³ ЦГАДА, ф. 617, кн. 12, л. 7 об. См. также кн. 1, л. 172, кн. 9, л. 110, 113; кн. 11, л. 219 об. и др.

индейцу, такого явного правдивого накладу и гиблого от воли божеской товару на мне, армянине, не взыскивать»¹.

Значительно реже встречаются записи, в которых заем предоставлялся на покупку за рубежом или на внутреннем рынке страны товаров для кредитора. В данном случае заемщик получал возможность пустить в оборот взятую сумму денег, но обязан был доставить кредитору определенное количество «всяких указных настоящих товаров»².

В заемных письмах второго вида деньги брались чаще всего «на торговый промысел». Так, 24 мая 1726 г. астраханские жители армяне Арслан Алексеев и Александр Андреев заняли у торговых индийцев «вопче на торговый свой промысел 12 500 рублей» и обязались уплатить свой долг в 1727 или 1728 г. по возвращении из Амстердама³.

Обычно гарантами платежеспособности заемщиков выступали поручители. В случае неуплаты долга заимодавец имел право взыскать его с поручителей. Но, помимо поручительства, была широко распространена и другая форма обеспечения, а именно — заклад заемщиком своего недвижимого или движимого имущества. Если кредит предоставлялся под определенное имущество, то запись называлась заемной и закладной. Такого рода записи, помимо прочего, представляют интерес еще и потому, что в них дается более или менее подробное описание заложенного имущества, которое в случае неуплаты долга переходило в собственность заимодавца.

Заемщики из астраханских армян под обеспечение долга закладывали из недвижимого имущества дворы, сады, лавки, из движимого — различные товары, иногда предметы личного обихода (драгоценные камни, золотые и серебряные изделия и т. п.).

В 1724 г. житель астраханской армянской колонии Арон Антонов занял у грузинского армянина Бежана Гордеева 40 руб. и «в платеже тех денег вместо поруки заложил двор свой в Астрахани в Казанской слободе со всем строением и с домовою со всею рухлядью и с красильными со всем заводами»⁴. Другой житель колонии, Яков Семенов, занявший в 1726 г. у индийца 57 руб., заложил вместо поруки «огород свой на Кулаковском бугре со всем огороженным и хоромным строением и з деревьн и с виноградными кусты и з другими овощи и во всеми огороженными заводами»⁵.

Размеры сумм, предоставляемых в кредит астраханским армянам, колебались от нескольких рублей до 10 и более тысяч рублей, что свидетельствовало о резкой имущественной дифференциации заемщиков.

К сожалению, в заемных записях не указан процент годовых, взимаемых при предоставлении кредита. Можно полагать, что этот процент включался в сумму займа, указанную в записи. По свидетельству астра-

¹ ЦГАДА, ф. 617, кн. 12, л. 7 об.

² Там же, кн. 6, л. 142 об., кн. 7, л. 79 об. и др.

³ Там же, кн. 6, л. 133.

⁴ Там же, кн. 1, л. 13.

⁵ Там же, кн. 6, л. 136 об.

ханского губернатора В. Н. Татищева, условия кредита были очень тяжелыми, а процент роста достигал иногда 30—40¹.

Анализ заемных записей свидетельствует о том, что в роли кредиторов, ростовщиков астраханские армянские купцы выступали редко. В громадном большинстве записей зафиксирован заем денег астраханскими армянами у индийского, русского и зарубежного армянского купечества. Главными кредиторами армян, и не только их, а и других жителей Астрахани, были индийские купцы, ростовщические операции которых, как это видно из материалов крепостной конторы, из года в год росли и достигали огромных размеров².

Заемные записи содержат ценный материал о хозяйственной деятельности армянского населения Астрахани в XVIII в. Они уточняют наши сведения о занятиях армян, более полно характеризуют их торговлю. Особенно важны показания заемных записей тех лет, за которые не сохранились астраханские таможенные книги. В сопоставлении с другими источниками (сказками, ведомостями астраханских армян) заемные акты дают возможность установить состав лиц, прибегавших по разным причинам к кредиту. Эти материалы показывают, что армянское купечество, ведя обширную транзитную и русско-иранскую торговлю, все более и более втягиваясь во внутренний товарооборот России, использовало не только собственный капитал, но и прибегало к кредиту индийских ростовщиков, несмотря на тяжелые условия кредита. Данные заемных записей свидетельствуют, что ростовщические операции армянских купцов были незначительны в отличие от индийских купцов, ростовщичество которых получило широкий размах. Индийский капитал в Астрахани все более и более становился паразитическим, в то время как армянский капитал, расширяя сферу своей деятельности, занял прочные позиции не только в торговле, но и в шелкоткацкой промышленности Астрахани³. В этом заключалась одна из причин того, что судьбы армянской и индийской колоний в Астрахани сложились по-разному.

Заемные и закладные письма содержат дополнительные данные о дворовладении армян, о количестве принадлежавших им садов и лавок. Они представляют интерес и с точки зрения изучения процесса имущественной дифференциации населения астраханской армянской колонии в XVIII в.

Купчие записи. В этих актах фиксировалась продажа дворов, садов и огородов, лавок, дворовых и лавочных мест, а также дворовых людей «в вечное холопство». В названных актах приводятся данные о социальном

¹ ЦГАДА, Госархив, разряд XI, д. 629, л. 12. Доклад В. Н. Татищева императрице Елизавете Петровне от 31 декабря 1742 г.

² См. также письмо Татищева кабинет-секретарю императрицы Елизаветы Петровны И. А. Черкасову от 23 апреля 1745 г. (там же, л. 60).

³ См. А. И. Юхт. Армянские ремесленники в Астрахани в первой половине XVIII века. „Известия“ АН Армянской ССР, 1958, № 1; П. Г. Любомиров. Ткацкая промышленность Астрахани в XVIII и первой половине XIX веков. „Очерки по истории русской промышленности“, ГИИЛ, 1947, стр. 633—659.

положении продавцов и покупателей, о стоимости и местоположении объектов купли и продажи, дается описание последних, называются владельцы соседних дворов, лавок и садов, если таковые имелись.

Основную массу сделок, зафиксированных в купчих записях, составляют сделки на дворы и сады. Весьма редко встречаются купчие на дворовых людей, так как у астраханских армян в XVIII в. их было немного.

Количество купчих за отдельные годы, впрочем как и других актов, неодинаково и колеблется от 3—5 до 40 и более записей в год.

Известно, что армяне, как и другие жители Астрахани, занимались садоводством и бахчеводством. В садах росли: яблони, груши, сливы, персики, абрикосы и т. п. Большая часть площади садов астраханских жителей была занята под виноградниками. Характерно, что в купчих записях обычно отсутствует перечень плодовых деревьев, но всегда отмечается наличие в каждом саду виноградных лоз. При многих садах имелись различные хозяйственные постройки и рабочий скот, который использовался для обработки земли, полива и вывоза продукции на рынок.

Так, вдова астраханского посадского человека Седова продала 10 сентября 1745 г. «астраханской шелковой фабрики содержателю» Каспару Богданову на Скакольном бугре между реками Кутумом и Кривушей свой «огород со всеми стоящими деревьями, с виноградными кустами и со всяким строением. А строения на том огороде: изба брусаяная с сеньми и с комнатою, два анбара, конюшня, да погреб, два чигиря з жалобьями, да городьба от Кутумовой реки—забор дощаной». Общая площадь сада «огорсда» составляла около 4,5 тысячи квадратных саженой, стоимость 285 руб.¹

Купчие, в совокупности с работными записями и другими архивными материалами, дают возможность установить, какое количество садов принадлежало армянам, и определить поименный состав владельцев.

Большой интерес представляют данные сделок о лавках. Они свидетельствуют о том, что астраханские армяне имели лавки в различных торговых рядах, главным образом в Большом ряду, на Татарском базаре и в других частях города. Так, в 1745 г. житель Агрыжанской слободы Абдуллаев продал астраханскому армянину Сатуру Агапову три «лавки брусаяные» на Татарском базаре за 100 руб. В 1765 г. вдова астраханского купца и ее сын продали армянину Лазарю Меркулову возле Облупинского кабака «3 лавки деревянные с верхними и жилыми покои, да позади лавок дворовое место» за 260 руб.² Купчие позволяют уточнить состав владельцев лавок.

Из данных первых трех подушных переписей нам известно количество дворов, принадлежавших астраханским армянам в 1724, 1747, 1767 гг.

¹ ЦГАДА, ф. 617, кн. 28, лл. 26 об., 27. В 1724 г. астраханский армянин Богдан Григорьев продал Насо Григорьеву сад «со всеми овощными деревьями и с виноградными кустами и с чигирем с 4 лошадыми и 4 телеги и со всеми припасы, что есть налицо». Там же, кн. 3, л. 105 об. См. также кн. 104, л. 17, кн. 138, л. 13 об., кн. 193, лл. 18 об., 30 об. и др.

² Там же, кн. 31, л. 50; кн. 175, л. 4 об.

Купчие записи содержат сведения о покупке и продаже дворов и дворовых мест в период между ревизиями, дают возможность уточнить состав дворовладельцев, показывают, что некоторые представители зажиточной верхушки астраханской армянской колонии владели несколькими дворами, в то время как многие ремесленники и работные люди не имели своих дворов и жили «в чужих покоях».

Большой интерес представляют описания дворов. Эти описания помогают воссоздать внешний облик хозяйственных и бытовых построек астраханских армян в XVIII в., позволяют более конкретно представить себе бытовые условия жизни армян.

Астраханские армяне жили в бревенчатых, тесовых и земляных избах и в каменных домах. Земляные избы, существовавшие в первой четверти XVIII в., в последующий период постепенно исчезают. Каменные постройки встречаются крайне редко и то только во второй половине столетия. В своем подавляющем большинстве здания были деревянными. Обычно на хорошем дворе «хоромные строения» состояли из бревенчатой или тесовой избы, иногда двух, или одной — двух горниц на подклетьях, поварни, бани с предбанником, погреба, конюшни, амбаров и т. п. Очень часто на том или ином дворе имелись лишь некоторые из названных построек. В 1724 г., например, вдова астраханского армянина Н. Григорьева продала двор свой «в Земляном городе в Армянской слободе со всем строением» астраханскому же армянину Пасо Григорьеву. «А строения на том дворе: изба наружная с сеньми, конюшня тесовая, поварня тесовая же, двор в городьбе и с ворота...»¹.

В той же слободе в 1731 г. представитель армянского духовенства А. Григорьев и торговый армянин М. Григорьев продали свой двор «вопче» армянскому купцу Хачатуру Мелькумову «со всем дворовым и хоромным строением: две избы наружные бревенные меж ими сени тесовые, баня наружная бревенная с предбаньем тесовым, поварня тесовая же»².

Купчие записи свидетельствуют о том, что основная масса армянского населения Астрахани жила на территории Старой и Новой армянских слобод, но небольшая часть армян имела свои дворы и в других частях города.

Названные акты содержат дополнительные данные, позволяющие более точно определить топографические границы Старой и Новой армянских слобод.

Весьма ценны показания купчих о стоимости дворов, лавок и садов. В частности, стоимость двора в середине XVIII в. колебалась от нескольких рублей до 500—600 руб.³ Сведения о стоимости объектов недвижимого имущества за длительный промежуток времени представляют большой интерес для характеристики имущественного положения астраханских армян.

¹ ЦГАДА, ф. 617, кн. 3, л. 162.

² Там же, кн. 10, л. 45 об.

³ Там же, кн. 175, лл. 37 об., 38, 44 об. и др.

Эти данные служат еще одним убедительным доказательством резкого имущественного неравенства, существовавшего в среде жителей астраханской армянской колонии в XVIII в.

В совокупности с другими актами и документами купчие, представленные в довольно большом количестве в фонде крепостной конторы, дают возможность выяснить некоторые вопросы, касающиеся хозяйственной деятельности и имущественного положения жителей астраханской армянской колонии.

Жилые записи. Термин «жилая запись» в XVIII столетии, в отличие от XVII в., имел двоякое значение. В широком смысле слова «жилой записью» называлась запись, оформлявшая наем на различную работу на определенный срок, в том числе поступление на мануфактуру и отдачу детей в обучение на фабрику или к ремесленнику. В более узком смысле «жилой» называлась запись, фиксировавшая временную зависимость человека, отработавшего свой долг или проценты с этого долга.

Последнего рода «жилые» встречаются в фонде Астраханской крепостной конторы крайне редко. В дальнейшем мы будем пользоваться термином «жилая запись» в широком его значении. Мы сначала разберем акты, характеризующие наем рабочих людей астраханскими армянами, а затем коснемся документов, в которых армяне выступают продавцами своей рабочей силы.

Астраханские армяне эксплуатировали наемный труд в принадлежавших им садах и огородах, в домашнем хозяйстве, на мануфактурах, на речных и морских судах, на рыболовных промыслах.

Работные люди нанимались к армянам «во всякую огороженную работу и к селу иттить и по дрова ездить», «во всякую домовую работу», «в куренную работу— хлебы на продажу печти», «во всякую неводную, ватажную и плоговую работу». Распространен был наем людей для помощи в торговом деле «з прикащичью и отъезжую работу».

Основную массу жилых записей составляют записи на работу в садах, в домашнем хозяйстве и на судах. Наемные люди привлекались для выполнения и других работ. Так, житель колонии Андрей Артемьев нанял в январе 1726 г. трех работных людей «во всякую плотнишную работу: сделать внутри в каменных палатах вверху и внизу по два потелка, да по двою сени, да по два чулана, да две поварни с печками»¹. Двумя годами раньше Калуст Константинов нанял на год ремесленника «работать серебряное и золотарное ремесло»². Менас Кечибеков в 1767 г. взял мастера иноземца, жившего в Астрахани, на год «для гранения всяких алмазных, яхантных и протчих каменных вещей»³. В 1730 г. астраханский житель Т. Ефимов был приглашен на работу по реставрации росписей: «писать вновь старые образы» армянского собора Петра и Павла и т. д.⁴ Однако такие случаи единичны.

¹ ЦГАДА, ф. 517, кн. 6, л. 14 об.

² Там же, кн. 1, л. 7.

³ Там же, кн. 193, л. 3.

⁴ Там же, кн. 9, л. 170 об.

из числа своих соотечественников, не оформлялись в крепостной конторе. Только этим можно объяснить отсутствие таких жилых записей. Крайне незначительно и количество записей, в которых отражена работа армян у неармянского населения Астрахани. Как правило, русские и индийские купцы нанимали армян для помощи в торговом деле «во всякую приказщицью и отъезжую работу», чаще всего для поездок в Закавказье и Персию, иногда и на Макарьевскую ярмарку¹.

Жилые записи содержат ценный материал по экономической истории астраханской армянской колонии. Они являются источником при изучении ткацкой промышленности Астрахани в 50—60-х годах XVIII в., в частности вопроса о социальном составе и положении рабочих людей и учеников на мануфактурах и в мелких мастерских, принадлежавших армянским купцам и ремесленникам. Названные акты свидетельствуют, что садоводство астраханских армян, как и других жителей города, носило не только потребительский, но и промысловый характер. Владельцы садов и огородов сбывали на местном рынке виноград, вино и овощи, причем виноград и виноградное вино «чихирь», как это видно из таможенных книг, вывозились из Астрахани в другие районы страны.

Промысловый характер астраханского садоводства отмечается и в описаниях путешественников. Голландец де Бруин, посетивший Астрахань в начале XVIII в., писал: «Виноград, произрастающий в частных садах, у армян и других жителей, собирается и продается большей частью на торгу»². О производстве астраханскими жителями вина из местного винограда и вывозе его «в окрестные области» писал в 40-х годах XVIII в. Лерх³.

Как известно, торговые люди при продаже товаров в своем городе освобождались от уплаты пошлин. Поэтому в астраханских таможенных книгах не отражена торговля в самом городе. Тем больший интерес представляют сведения жилых записей по данному вопросу.

Наконец, жилые записи свидетельствуют, что зажиточные слои астраханской армянской колонии эксплуатировали в XVIII в. наемный труд в более широких масштабах, нежели это можно было представить по другим источникам.

Поручные записи. В фонде Астраханской крепостной конторы имеется 11 поручных записей⁴ за 1726 г., которые характеризуют транзит шелка через Россию Армянской торговой компанией и вообще армянским купечеством. В записях указаны фамилии армянских купцов и поручителей, а также количество шелка-сырца в таях (тая шелка-сырца составляла около 7,5—8 пудов).

¹ ЦГАЛА, ф. 617, кн. 6, л. 186, кн. 8, л. 51, кн. 9, л. 124, кн. 193, л. 30 и др.

² «Путешествие Корнилия де Бруина через Московию». «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете», кн. 3, 1872, стр. 194.

³ См. «Известия о втором путешествии доктора и коллежского советника Лерха в Персию от 1745 до 1747 гг.». «Новые ежемесячные сочинения», ч. 48, июнь 1790 г., стр. 96.

⁴ ЦГАЛА, ф. 617, кн. 6, лл. 13, 121 об., 124, 131 об., 134, 193 об., 228—229, 233.

Поручитель давал обязательство Астраханской таможне в том, что тот или иной купец по пути в Петербург не будет продавать шелка, а доставит их целиком в Петербургскую портовую таможню и после уплаты пошлин привезет платежную выпись в Астрахань. По указу 1725 г.¹ пошлины с шелка, идущего транзитом через Россию в Европу, взимались не в Астрахани, а в Петербурге, причем сумма собранных пошлин приписывалась к сборам Астраханской таможни. Поэтому и последняя была заинтересована в получении платежных выписей из Петербургской портовой таможни.

Поручителями выступали либо купцы той же Армянской компании, либо крупные армянские купцы Астрахани, тесно связанные торговыми операциями с компанией.

По данным поручных записей, в 1726 г. Армянской компанией и другими армянскими купцами было привезено в Астрахань шелка-сырца из Закавказья и Персии для перевозки в Европу через Петербург 317 тай, т. е. примерно 2500 пудов. Материалы поручных записей являются единственным источником, позволяющим установить размеры транзита шелка армянским купечеством в 1726 г., так как астраханские таможенные книги за этот год не сохранились.

За другие годы названные акты насчитываются единицами. В основном, в них зафиксировано поручительство по армянским купцам, бравшим на откуп у казны различные оброчные статьи. Так, в 1724 г. группа астраханских армян (шесть человек) дала в крепостной конторе поручную запись в том, что джувльфинские армянские купцы Семен Назаров с товарищами (четыре человека), взявшие на откуп сборы с армянского гостинного двора, не уедут из Астрахани без указа «в прежние свои жилища»². Два года спустя астраханские армяне Я. Семенов и В. Абрамов поручились за жителя Армянской слободы Т. Иванова в том, что взятый им на откуп из Астраханской земской конторы сбор «з бритья бород и с точила бритвов в Астрахани в Бритовном ряду и на Татарском базаре и в прочих местах» на три года он будет платить в казну «без доимки»³. Подобного рода записи очень редки, что свидетельствует об ограниченном участии армянского купечества в откупах.

Наемные записи. Число указанных актов невелико; они содержат данные о найме армянами лавок и лавочных мест, чаще всего у посадских людей Астрахани. Так, в 1728 г. армянин А. Абовян нанял у астраханского посадского человека Г. Старикова на год лавку в Большом торговом ряду и заплатил 48 руб.⁴

Наемные записи расширяют круг наших сведений об астраханских и других армянах, занимавшихся внутренней торговлей.

Договорные записи. Эти акты касаются главным образом двух вопросов: совместного участия сторон в торговом или промышленном деле и

¹ Полное собрание законов Российской империи* (ПСЗ), т. VII, № 4745.

² ЦГАДА, ф. 617, кн. 1, л. 67.

³ Там же, кн. 6, л. 47 об.

⁴ Там же, кн. 8, л. 67.

разделе имущества. Стороны брали на себя определенные обязательства, нарушение которых влекло за собой уплату неустойки, указанной в договорной записи. В фонде крепостной конторы сохранилось всего несколько указанных актов.

Большой интерес представляет договорная записка, заключенная между крестьянином Н. Чернышевым, с одной стороны, и астраханским армянским купцом М. Араслановым и записным ловцом И. Поповым — с другой. Чернышев эксплуатировал рыболовные воды по реке Ахтубе, притоке Волги, и платил оброк казне. Летом 1724 г. он принял «в те свои откупные ватажные воды в «товарыщи» Арасланова и Попова и промышлял с ними до февраля 1725 г. «без складной договорной записи, подушевенно». Компаньоны вели «записные ватажные книги», в которых заносились расходы каждого из них на «строение ватаги», на покупку сетей, неводных лодок, соли на соленье рыбы, на наем работных людей и «на прочие ватажные заводы». 6 февраля 1725 г. они решили написать договорную записку о совместной эксплуатации указанных рыболовных вод до перекупщиков, «а в барышах и в накладах и во всем быть воопче». Договорная записка была отдана на хранение М. Арасланову, потому что он вложил в «ватажный промысел» значительно больше средств, чем его товарищи¹. Из другой записки известно, что Арасланов нанял 1 февраля 25 работных людей «во всякую неводную, ватажную и плотовую работу» и выплачивал им вперед половину назначенных денег (74 р. 42,5 к.)².

Мы подробно остановились на данной договорной записке потому, что, насколько нам известно, это единственный случай участия представителя армянского населения Астрахани в первые две трети XVIII в. в эксплуатации рыболовных вод. Арасланов был турецким армянином и жил в Астрахани с 1705 г. В сказке от 1724 г. он сообщил, что имеет ватажный промысел, на котором работают 25 наемных людей³. Это показание целиком совпадает с цитированной выше записью.

Подрядные записки. Во всех названных актах, имеющих отношение к нашей теме, зафиксированы подряды на перевозку товаров. В записки указываются подрядчик и владелец товара, пункт назначения, вид транспорта (гужевой или водный), количество подвод или лошадей, вес, иногда наименование товара, стоимость перевозки, размеры задатка. Основная масса подрядчиков состояла из представителей различных социальных слоев (крестьяне, посадские, юртовские татары, казаки и др.) неармянского населения. Но среди подрядчиков встречаются и жители астраханской армянской колонии, владевшие речными судами и занимавшиеся перевозкой купеческих товаров по Волге.

Записка предусматривала определенные обязательства подрядчика по отношению к владельцу товара. Подрядчик должен был везти товар «денно и ношно с поспешением» и отвечал за его сохранность. В случае порчи

¹ ЦГАДА, ф. 517, кн. 4, л. 34 об.

² Там же.

³ Там же, ф. Ландратских книг и ревизских сказок, л. 147, л. 193.

или гибели товара «от несмотрения» подрядчика хозяин мог взыскать с него стоимость этого товара.

Подрядные записи содержат данные о внутренней и транзитной торговле астраханского, московского, петербургского и зарубежного армянского купечества. Так, в январе 1728 г. восемь крестьян подрядились у московского жителя армянского купца Богдана Христофорова отвести его товар на восьми подводах и семи кибитках до Москвы и «рядили за провоз» 233 руб.¹ В ноябре 1735 г. ярославец посадский человек Калашников с товарищами подрядились в Астрахани у джульфинских армян Якова Вартанова с товарищами доставить шелк-сырец и другой их товар, весом 2090 пудов, на собственных подводах до Москвы и взяли за провоз 1571 руб. 25 коп.² Частновладельческие крестьяне Коломенского уезда взяли в январе 1752 г. доставить в Петербург на 41 подводе шелк-сырец астраханских армянских купцов И. Буннатов, С. Иванова, Д. Григорьева и Т. Михайлова, известных своими крупными операциями в русско-иранской и европейско-иранской транзитной торговле.³

Подрядные записи имеют первостепенное значение для изучения торговли армянского купечества в 50—60-х годах XVIII в., так как после ликвидации внутренних таможен в 1754 г. внутренняя торговля не отражена в делопроизводстве таможен. Кроме того, таможенные книги за первую половину XVIII столетия сохранились далеко не полностью. Подрядные записи дают конкретное представление о путях движения и способах доставки товаров армянского купечества в основные центры сбыта (Москва, Макарьевская ярмарка и Петербург при транзите в Европу), об удельном весе гужевого и водного транспорта. В частности, выясняется большая роль гужевого транспорта в доставке шелка в Москву. Обычно шелк-сырец либо везли из Астрахани на подводах или на саях по установленному санному пути, либо водой до Царицына или Саратова, а затем гужем.

Помимо указанных вопросов, записные книги позволяют выяснить и некоторые другие вопросы истории астраханской армянской колонии в XVIII в. В частности, они дают возможность установить степень грамотности армян. Как свидетельствуют подлинные рукоприкладства (подписи) армян, многие из них расписывались сами. Грамотность в среде армянского населения была распространена значительно более, чем среди посадских людей Астрахани.

В записных книгах не отражены все сделки, заключавшиеся астраханскими армянами. Данные записных книг, как и всякого другого массового источника, требуют статистической обработки. Однако уже сейчас ясно, что это чрезвычайно важный, насыщенный богатым фактическим материалом, источник, характеризующий социально-экономическое развитие астраханской армянской колонии в XVIII в. Он содержит сведения об

¹ ЦГАДА, ф. 617, кн. 8, л. 7.

² Там же, кн. 12, л. 175 об.

³ Там же, кн. 34, л. 2 об.; А. Юхт. Социальный состав населения астраханской армянской колонии в первой половине XVIII века, «Известия» АН Армянской ССР, 1957, № 7, стр. 58.

участии армян во внутренней и внешней торговле России, об их роли в развитии экономики Астрахани, об имущественной дифференциации населения астраханской армянской колонии, о бытовых условиях жизни армян, о степени распространения среди них грамотности и т. д.

В совокупности с другими источниками (таможенными книгами, сказками и челобитными армян, делопроизводством центральных и местных органов) записные книги дают возможность нарисовать яркую картину жизни и разнообразной хозяйственной деятельности астраханских армян более чем за 40 лет. Но этим не исчерпывается значение записных книг. В них имеются также данные об ирано-европейской транзитной торговле, о коммерческой деятельности в России зарубежного армянского купечества.

Материалы Астраханской крепостной конторы свидетельствуют об энергии и широкой предпринимательской деятельности армянского населения в России. Пользуясь покровительственной политикой русского правительства, армянские поселенцы прочно осели в России и приняли активное участие в ее экономическом развитии.

**ԱՍՏՐԱԽԱՆԻ «КРЕПОСТНАЯ КОНТОРА»-Ի ԳՐԱՄԱՏՅԱՆՆԵՐԸ ՈՐՊԵՍ
ԱՍՏՐԱԽԱՆԻ ՀԱՅ ԳԱՂՈՒԹԻ XVIII Գ. ՊԱՏՄՈՒԹՅԱՆ ՍԿՋԵՆԱՂՔՅՈՒՐ**

Ա. Ի. ՅՈՒԽՏ (Մոսկվա)

(Ա. մ. փ. ո. փ. ո. մ.)

Մոսկվայի Հին ակտերի Կենտրոնական պետական արխիվում պահվում է Աստրախանի «Крепостная контора»-ի գրամատյանների մի հավաքածու (207 միավոր), որն ընդգրկում է 1724—1767 թթ. ժամանակաշրջանը: Հիշյալ մատյաններում գրանցվում էին Աստրախանում կատարված ամենաբազմազան տիպի գործարքներ:

Այդ ակտերը դեռևս ուսումնասիրված չեն, մինչդեռ վերջին ժամանակներս դրա կարիքը զգացվում է, քանի որ գրանք պարունակում են մեծածավալ և արժեքավոր նյութեր քաղաքի ուսուսումնասիրության և այլազգի բնակչության, նրանց արհեստների ու արհեստագործության, ներքին ու արտաքին առևտրի, աշխատուժի շուկայի և այլ հարցերի մասին:

Հոգվածում ցույց է տրվում, թե ինչ կարող են տալ հիշյալ գրամատյանները Աստրախանի հայկական դադուկի սոցիալ-տնտեսական պատմության, ինչպես նաև Ռուսաստանում կատարվող և Ռուսաստանի վրայով իրականացվող իրանա-եվրոպական տարանցիկ առևտրի մեջ հայ վաճառականության մասնակցության ու դերի հարցերը լուսաբանելու համար:

Ուսումնասիրված նյութերը վկայում են Աստրախանի հայ բնակչության եռանդն ու լայն ձեռներեցությունը և ցույց են տալիս, թե ինչպես, օգտվելով Ռուսաստանի հովանավորական քաղաքականությունից, հայ վերաբնակիչները հիմնավորապես հաստատվում էին այդ հինավուրց ուսական քաղաքում, գործունե մասնակցություն ցուցաբերելով նրա տնտեսական զարգացմանը: